

Антон Павлович Чехов

В МЕДИЦИНЕ И О МЕДИЦИНЕ

Истек год с того момента, когда мир отметил 150-летие со дня рождения Чехова. Любовь к нему остается знаковой и в XXI веке. Но что знаем мы о чеховском феномене в медицине?

Великий русский писатель, гений мировой литературы Антон Павлович Чехов (1860–1904) был врачом по образованию, воспитанником медицинского факультета Московского университета и оставил след в практической врачебной деятельности, особенно на общественной палитре отечественной медицины. Конечно же, автор «Степи» и «Дамы с собачкой», «Вишневого сада» и «Трех сестер» вряд ли вписывается в формулу врач-писатель или даже писатель-врач. Его неповторимый литературный талант так или иначе блистательно состоялся бы и вне медицинского поприща. Стоит заметить, что мнению Л.Н. Толстого о том, что медицина как бы мешает писательскому призванию А.П. Чехова, достаточно субъективно. Первая профессия и любовь Антона Павловича к ней на фоне глубоких и разносторонних медико-биологических знаний, полученных в университете, а затем врачебная работа, включая земское поприще, общение с коллегами, при писательском взгляде на мир, уникальном психологизме органично вплелись в его феномен. А галерея чеховских образов врачей с их различными судьбами и жизненными установками достойна пристального внимания и нынешних врачебных поколений, ибо перед нами — извечные нравственные и этические истины.

В 1879 г. А.П. Чехов вместе с соучениками по гимназии в г. Таганроге В.И. Зембулатовым и Д.Т. Савельевым был принят на первый курс медицинского факультета Московского университета. Тогда же на этот факультет поступил и воспитанник одесской гимназии Г.И. Россолимо, в будущем известный невролог, с которым Антон Павлович состоял в дружеской переписке и по чьей просьбе составил автобиографию.

На предложение Г.И. Россолимо участвовать таким образом в «товарищеском памятнике» А.П. Чехов ответил 11 октября 1899 г.: «У меня болезнь: автобиографофобия. Читать про себя какие-либо подробности, а тем паче писать для печати — для меня это истинное мучение. На отдельном листочке высылаю несколько дат, весьма голых, а больше не могу...» Автобиография, с согласия Антона Павловича, была впервые напечатана в сборнике «Врачи, окончившие курс в Московском университете в 1884-1899 гг.».

Вот эти строки: «А.П. Чехов родился 17 января 1860 г., в Таганроге. Учился сначала в греческой гимназии. В 1879 г. поступил в Московский университет на медицинский факультет. Вообще о факультете имел тогда весьма слабое понятие и выбрал медицинский факультет — не помню, по каким соображениям, но в выборе потом не раскаялся. Уже на первом курсе стал печататься в еженедельных журналах и газетах, и эти занятия литературой уже в начале восьмидесятых годов приняли постоянный, профессиональный характер. В 1888 г. получил Пушкинскую премию. В 1890 г. ездил на о. Сахалин, чтобы потом написать книгу о нашей ссыльной колонии и каторге. Не считая судебных отчетов, рецензий, фельетонов, заметок, всего, что писалось изо дня в день для газет и что теперь было бы трудно отыскать и собрать, мною за 20 лет литературной деятельности было написано и напечатано более 300 печатных листов повестей и рассказов. Писал я и театральные пьесы.

Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно расширили область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня может понять только тот, кто

сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соображаться с научными данными, а где невозможно — предпочитал не писать вовсе. Замечу, кстати, что условия художественного творчества не всегда допускают полное согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как она происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условности и что он имеет дело со сведущим писателем.

К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу, и к тем, которые до всего доходят своим умом, — не хотел бы принадлежать. Что касается практической медицины, то еще студентом я работал в Воскресенской земской больнице (близ Нового Иерусалима), у известного земского врача П.А. Архангельского, потом неделю был врачом в Звенигородской больнице. В холерные годы (92, 93) заведовал Мелиховским участком Серпуховского уезда».

Несомненно, этот документальный автобиографический эскиз А.П. Чехова заслуживает пристального внимания читателей, и мы можем позволить себе лишь некоторые комментарии. Антон Павлович был первым врачом в семье. Слова Н.А. Булгаковой-Земсковой об отношении М.А. Булгакова к своей профессии хочется повторить и в отношении А.П. Чехова: «И он любил свою медицину». В немалой степени формированию такого его миропонимания способствовало и то, что в плеяду преподавателей Антона Павловича в период учебы входили такие видные ученые и прекрасные врачи-гуманисты, как А.И. Бабухин (кафедра гистологии и эмбриологии), хирург Н.В. Склифосовский (подписавший как декан факультета диплом А.П. Чехова), невролог А.Я. Кожевников, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии В.Ф. Снегирев, основоположник чтения гигиенических дисциплин на факультете Ф.Ф. Эрисман, авторитетные терапевты Г.А. Захарьин и А.А. Остроумов. О каждом из них можно составить яркую монографию, и некоторые из подобных трудов существуют. Каждый из них в чем-то вдохновлял А. Чехова не только как врача, но и как писателя.

«Учась в университете, — пишет в книге «Жизнь Антона Чехова» английский исследователь его жизненного пути и творчества Дональд Рейфилд, — Антон не провалил ни одного экзамена. В хирургии ему не доставало решительности. Но вот талант диагноста и увлеченность судебной медициной пригодились и в писательском деле. В дальнейшем его способность распознать болезнь получила высокие отзывы специалистов».

В 1884 г. А.П. Чехов окончил университет и его Советом был утвержден в звании уездного лекаря. Это был период и стремительного писательского взлета Антона Павловича. И хотя он не раз с гордостью подчеркивал — «Я — врач», уже тогда осознавал, что преобладающей сферой его творческой деятельности становится литература. Впрочем, и медицине он отдал должное как волонтер на земской службе, особенно в период эпидемий, а также как врач частной практики.

Как же входил Чехов в профессию? Мотивам представляемого очерка посвящена книга Е.Б. Меве

«Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова» (К., «Здоров'я», 1989). Касаясь ряда фактов и документов, я буду в дальнейшем во многом ссылаться на этот труд. В частности, Е. Меве цитирует воспоминания земского врача П.А. Архангельского (1911 г.): «В Воскресенскую больницу летом приезжали молодые врачи и студенты... 1881 г. был особенно богат такими гостями: врач В.Н. Сиротинин, теперь профессор Военно-медицинской академии; Н.С. Кишкин, профессор Московского университета; студент В.И. Бережников, потом земский врач; врач М.П. Яковлев. Вот в этой-то компании в один вечер оказался и Антон Павлович... С того же времени он стал посещать больницу. Как студент 3-го курса, он еще не мог вести самостоятельную работу, а ограничивался помощью кому-нибудь из врачей. Нередко он садился на табуретку в каком-нибудь свободном уголке и оттуда своими проникновенными глазами наблюдал за работой врачей и студентов. Посещал Антон Павлович Воскресенск и в следующие годы».

«В архиве А.П. Чехова, — пишет Е. Меве, — имеется и неопубликованная рукопись уездного врача П.Т. Розанова: «...Как-то, коснувшись докторских экзаменов, диссертаций, приват-доцентуры и прочего, Антон Павлович поставил такой вопрос: «Скажите, что бы вы сделали на моем месте: остались ли бы врачом и отдались исключительно практической деятельности врача или, наоборот, медицине предпочли бы литературу?»

Помню, я даже переспросил его, серьезно ли он задается подобным вопросом, и, получив утвердительный ответ, сказал приблизительно следующее: «Знаменитым врачом, Антон Павлович, Вы никогда бы не были бы. Да и что такое «знаменитый врач»? ... С другой стороны, если бы Вы сделали даже не первым по рангу писателем, Чехова, без сомнения, знала бы вся читающая Россия...»

И вот, сделав именно такой выбор, став литературной славой России, Чехов все же не оставил медицину. В июле 1892 г. Серпуховская земская управа запросила у него согласие на участие в борьбе с эпидемией холеры в качестве земского врача. Антон Павлович сразу же дал положительный ответ, отказавшись от платы за свою работу и начав работать участковым врачом. К слову, и в Мелихово, куда Чехов переехал в марте 1892 г., у него было много чисто врачебных забот. «С первых дней, — вспоминает в книге «Вокруг Чехова» М.П. Чехов, младший брат писателя, — когда все кругом узнали, что Антон Павлович — врач, с самого раннего утра перед его домом уже стояли бабы и дети и ждали от него врачебной помощи. Он выходил, выстукивал, выслушивал и никого не отпускал без лекарства».

Обратимся и к медицинскому отчету А.П. Чехова по временному Мелиховскому участку за 1892 год. Все это требовало от него больших затрат. Об этом в юмористическом тоне он писал А.С. Суворину в письме от 16 августа 1892 г.: «Оказался я превосходнейшим нищим; благодаря моему нищенскому красноречию мой участок имеет теперь 2 превосходных барака со всею обстановкой и барак пять не превосходных... Я избавил земство даже от расходов по дезинфекции. Известь, купорос и всякую пахучую дрянь я выпросил у фабрикантов на все свои 25 деревень».

В отчете по временному Мелиховскому участку за 1893 г. А.П. Чехов указывал, что открытие участка было вызвано теми же соображениями,

что и в предыдущем году. «Амбулаторных больных было принято 498, а всего посещений 780... Родовспоможений было 2. Квартирных больных 65, всех посещений 101. На содержание пункта было израсходовано: фельдшеру за 3 месяца 120 р., ему же на разъезды 9 р. 80 к., наем избы в Мелихово 3 р. Итого 132 р. 80 к.». К этим данным стоит добавить такие чеховские строки, которые он писал Л.С. Мизиновой 23 июля 1893 г.: «В последнюю неделю стали показываться острые желудочно-кишечные заболевания. Сильно пахнет холерой»; и 2 августа А.С. Суворину: «Холера идет с двух сторон...»

Пришел 1899 год... Собственная болезнь принудила А.П. Чехова переехать в г. Ялту. И вот вслед за его подвижнической помощью в начале девяностых голодающим крестьянам в Нижегородской и Казанской губерниях, за деяниями милосердного стоицизма следует еще один гуманистический подвиг Антона Павловича, увы, заключительный. «Спрятаться от сих бед нельзя, и прятаться грех. Приходится мириться с этим кошмаром и пускаться на разные фокусы...», «Будем строить санаторию. Я сочинил воззвание. Видеть их жалкие одеяла, когда они умирают, тяжко». Эти строки из писем Антона Павловича сестре Марии Павловне и Максиму Горькому, датированные ноябрем года на пороге будущего столетия, стали прологом создания возле г. Ялты первого противотуберкулезного санатория для неимущих. Снова чужая боль не оставила его равнодушным. Вот строки воззвания, напечатанного впервые в «Нижегородском листке», а затем и в ряде газет других городов.

«Положение легочных больных, проживающих в Ялте, — говорилось в воззвании, — бывает часто весьма тяжелым. Значительное число этих обездоленных принадлежит к учащей и учащейся молодежи, в большинстве же это люди, истратившие на лечение все, что имели. В 1896 г. Ялтинское благотворительное общество организовало специальное Попечительство для приезжих больных. Но местных средств слишком недостаточно. Наступило холодное время, и в Ялту начали съезжаться тяжелые больные. Мы обращаемся к вам с просьбой пожертвовать в пользу неимущих больных что можете, всякое малейшее пожертвование будет принято с глубокой благодарностью. Борьба с туберкулезом, который вырывает из нашей среды столько близких, полезных, талантливых, есть дело всех истинно добрых... Отчет Попечительства будет своевременно высылаться жертвователям и печататься в газетах.

Председатель В. Рыбицкий

Уполномоченный Правления Антон Чехов».

Антон Павлович не ограничился публикацией воззвания в «Нижегородском листке», а при содействии М. Горького направлял его в различные издания. Его личный призыв нашел отклики, деньги небольшими суммами, часто по рублю-два, стали поступать. Так, Московский художественный театр, давший по просьбе Чехова благотворительный концерт в г. Ялте, перечислил Попечительству 302 руб. Но денег требовалось куда больше ввиду уникальности природного участка, где сочетались горные и морские воздушные потоки. Сумма в 45 тыс. руб., во многом благодаря чеховским обращениям, все же была изыскана. 5 тыс. руб., возможно, из гонорара наперед за предоставление издательству А.Ф. Маркса монопольного права публиковать в дальнейшем его сочинения, внес А.П. Чехов, не считая ряда «безымянных» переводов от него.

В 1903 году, еще при жизни писателя, пансионат «Яузлар» принял первых 20 пациентов. На мемориальной доске у входа в здание, установленной уже в наши дни, его деяния обозначены очень скромно: «Санаторий построен в 1902-1903 гг. при участии великого русского писателя А.П. Чехова».

«Я отдал должную дань учености», — так охарактеризовал Чехов в одном из писем свое социальное исследование «Остров Сахалин» (А.П. Чехов. Сочинения. Т. 14, 15. — М., 1987). Это свыше 300 страниц научной публицистики, 22 раздела с циклом гуманистических положений, огромным фактическим материалом. Поездка на о. Сахалин и последующая книга, о которой Антон Павлович отметил, что он удовлетворен, что в его писательском гардеробе есть и жесткий арестантский халат, и, конечно же, врачебный халат. Снова несколько чеховских данных из исследования: «Психические больные, как я говорил уже, на Сахалине не имеют отдельного помещения...», «Желудочно-кишечные заболевания в 1889 году были зарегистрированы 1760 раз. За десять лет умерли 338; из этого числа 66% относятся к детскому возрасту...»,

«С женскими болезнями обращались в 1889 г. в лазарет нечасто, всего 105 раз. Между тем в колонии почти нет здоровых женщин...», «Из глазных болезней чаще всего наблюдается конъюнктивит; эпидемическая форма его не переводится...». Такова эта каторга глазами врача, но равно и предупреждение: что такое лагерь для заключенных...

Но, касаясь тяготения Чехова к исследовательской деятельности, нельзя не остановиться на работе «Врачебное дело в России», изданной впервые по автографу спустя столетие после изысканий. Антон Павлович спланировал историческое исследование после окончания университета, неоднократно с увлечением возвращаясь к нему. Как показывают выписки, указывается в примечаниях к этой публикации, свою тему он понимал широко — его внимание привлекали и положение врачей в обществе, и народные средства, и секреты знахарства, и обрядовые формы.

Перейдем к заметкам об образах врачей, а следовательно, и картинам медицины в прозе и драматургии Чехова. Итак, чеховские врачи — Дымов и Абогин,

А.П. Чехов и А.Н. Толстой в Крыму

Кирилов и Старцев, Рагин и Хоботов, Соболев и Астров, Львов и Коростылев... В этих образах пером великого писателя показаны, прежде всего, врачебные будни, характеры и условия труда врачей, четкий и всеобъемлющий социальный колорит их деятельности, психологизм фигур, возвышенное и низменное в панораме реальной жизни. В сущности, перед нами истинный личностный мир медиков. Представляется почему-то, что любимым героем в этой чеховской галерее был доктор Дымов из «Попрыгуньи». Осип Степанович Дымов — вечный труженик. Он служил в двух больницах — в одной сверхштатным ординатором, в другой — прозектором. Частная практика его была ничтожна, рублей на 500 в год... Зато друзья Ольги Ивановны, жены Дымова, всегда с ней дома, — якобы не совсем обыкновенные люди: «По средам бывали вечеринки. Артист читал, художники рисовали, виолончелист играл, певец пел, и неизменно в половине двенадцатого открывалась дверь, ведущая в столовую, и Дымов, улыбаясь, говорил: «Пожалуйста, господа, закусить».

Ради этого момента, которого кавалькада фальшивых талантов так ждала, Дымов, собственно, отдает силы, знания, талант врача. Он, врач-труженик, с успехом защищает диссертацию, однако Ольга Ивановна к этому событию совершенно равнодушна. Но вот Дымов смертельно заболевает, заразившись дифтерией при отсасывании у больного ребенка дифтерийных пленок. «Какая потеря для науки! — горестно говорит о нем его друг врач Коростылев. — Это, если всех нас сравнить с ним, был великий, необыкновенный человек! Какие дарования! Какие надежды он подавал нам всем! Служил науке и умер для науки!»

Сюжет рассказа, всколыхнувшего общественность, Чехов заимствовал из жизни: так погиб врач Дуброво. Но силой художественной мысли писатель как бы воздвиг памятник хорошему врачу, увековечил черты Дымова как почти идеального медика.

И неким контрастом Дымову, хотя, очевидно, речь также идет об умелом специалисте, вырисовывается Дмитрий Ионыч Старцев в рассказе «Ионыч». Молодой земский врач, практикующий в деревне, вначале ходит пешком в расположенный вблизи губернский город, лошадей у него нет. Но потом деньги становятся его фетишем — он уже обладает парой гнедых, с кучером, потом тройкой с бубенцами. Но эти бубенцы, если вдуматься, свидетельствуют не о его успехе, а о моральной деградации. Он упускает истинное счастье. Прошло еще несколько лет. Старцев еще больше пополнил, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову... У него в городе громадная практика, некогда вздохнуть, уже есть именные и два дома в городе, а он облюбовал еще третий... Что ж, и это совершенно реальный тип врача, пусть вместо тройки лошадей — новейший лимузин. Но наши симпатии привлекает образ Дымова!

В чеховских врачах, конечно же, отражена атмосфера тех времен, большинство из них, если можно так выразиться, «пролетарии умственного труда». Таков, например, земский врач Соболев в рассказе «Жена». В письме А.С. Суворину от 27 ноября 1891 года А.П. Чехов охарактеризовал его так: «Я написал рассказ на злобу дня — о голодающих». В основе лежит конфликт между богатым помещиком, бывшим инженером Асориным, ставящим «для порядка» на ноги всю губернию, когда голодающие крестьяне украли 20 кулей ржи, и его женой, сочувствующей им. Но истинным демократом в этой панораме жизни является плохо одетый, переутомленный, нуждающийся, мало читающий Соболев. Его слова — это кредо Чехова: «Пока наше отношение к народу будет носить характер обычной благотворительности, как в детских приютах или инвалидных домах, до тех пор мы будем только хитрить, влиять, обманывать себя и больше ничего. Отношения наши должны быть деловые, основанные на расчете, знании и справедливости».

Собратом Соболя, сельским интеллигентом-пролетарием обрисован и врач Кирилов в рассказе «Враги». Его вызывают к помещику Абогину в минуту безысходного горя — у доктора умер сын: «Он не двигался, но открытые глаза его, казалось, с каждым мгновением все более темнели и уходили вовнутрь черепа...» Оказывается, врач Абогину был не нужен. У него сбежала жена, и ему нужно было излить свою душу... Чехов, со свойственной ему объективностью, оправдывает в чем-то и помещика: «Кто знает, послушай его доктор, посочувствуй ему дружески, быть может, он, как это часто бывает, примирится бы со своим горем без протеста». Но и Кирилов не скрывает своих чувств, собственного протеста: «Я врач, вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями... Никто вам не дал права делать из человека, который страдает, бутафорскую вещь!». Примерно такой же монолог врача Михаила Ивановича в рассказе «Княгиня»: «Я, доктор медицины, отец семейства, такая мелкая сошка, что меня можно выгнать в шею без объяснения причин! Зачем со мной церемониться? Я слышал потом, что жена ходила к вам раза три просить за меня, и вы не приняли ни разу...». Княгиня — владелица фабрики, и в этом рассказе, как и в «Случае из практики», глазами врача автор рисует обездоленность рабочих.

«Через день Андрея Ефимовича похоронили. На похоронах были только Михаил Аверьяныч и Дарьюшка» — так завершается знаменитый рассказ «Палата № 6». Доктор Рагин не сумасшедший, но он попадает в палату из-за коллегиального равнодушия и фактически злого умысла нового врача Хоботова, желая его устранить. В сущности, Чехов, возможно, впервые в мире коснулся принудительной психиатрии, а иначе говоря, псевдопсихиатрии.

Яркой звездой будущего возвышается доктор Астров из «Дяди Вани». Снова перед нами правдивый набросок из жизни земской медицины словами Астрова: «Сыпной тиф... В избах народ вповалку. Грязь, вонь, дым, телята на полу, с больными вместе... Возился я целый день, не присел, маковой росинки во рту не было, а приехал домой — не дают отдохнуть — привезли с железной дороги стрелочника, положил я его на стол, чтобы операция ему сделать, а он возьми и умри у меня под хлороформом. И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне, и защемило мою совесть, точно это я умышленно убил его... Те, которые будут жить через сто-двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорожку, помянут ли нас добрым словом?».

Подготовил Юрий Виленский

